

УДК 94 (470)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-29-42

**КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1865–1917)**

**СИЁСАТИ ИСТЕЪМОРИИ
ИМПЕРИЯИ РУСИЯ ВА
ТАШАККУЛИ САРҲАДҲО ДАР
ОСИЁИ МАРКАЗӢ (1865–1917)**

**THE COLONIAL POLICY OF THE
RUSSIAN EMPIRE AND BORDER
FORMATION IN CENTRAL ASIA
(1865–1917)**

Салимов Фаррух Насимович, канд. истор. наук, доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан)

Салимов Фаррух Насимович, н.и.т., дотсенти кафедраи дипломатия ва сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон.)

Salimov Farrukh Nasimovich, candidate in History, associate professor of the department of diplomacy and foreign policy of the Republic of Tajikistan under the Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: farrukh.n.salimov@gmail.com

Исследование выполнено в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Проблемы границ в государствах Центральной Азии (2024–2028 гг.)» Научно-исследовательского института Таджикского национального университета

Исследуются механизмы, посредством которых колониальная политика Российской империи в Центральной Азии в 1865–1917 гг. преобразовала фронтальное пространство Туркестанского края в иерархически управляемую систему областей, протекторатов, договорных рубежей и таможенно-коммуникационных контуров. Целью работы является выявление связи между военным завоеванием, правовым оформлением, дипломатической делимитацией границ и хозяйственной интеграцией региона. На основе нормативных актов, соглашения 1895 г., а также современной таджикской, российской и региональной историографии показано, что граница выполняла не только оборонительную, но и, прежде всего, административно-распределительную функцию. Сделан вывод, что позднеимперская модель закрепила правовую неоднородность, институциональную фрагментацию и линейное восприятие пространства, часть которых была воспроизведена в последующих территориальных практиках Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; Российская империя; колониальная политика; Туркестанский край; протекторат; делимитация границ

Механизмҳои таҳлил мешаванд, ки тавассути онҳо сиёсати мустамликавии империяи Русия дар Осӣи Марказӣ солҳои 1865–1917 фазои сарҳадии кишвари Туркистонро ба низоми иерархии идорашиавандаи вилоятҳо, протекторатҳо, марзҳои шартномавӣ ва тарҳҳои гумрукию коммуникатсионӣ табдил дода буд. Ҳадафи кор муайян намудани робитаи байни истилои ҷарбӣ, барасмиятдарории ҳуқуқӣ, делимитатсияи дипломатии сарҳадҳо ва ҳамгироии иқтисодии минтақа мебошад. Бар пояи санадҳои меъёрӣ, созишномаи соли 1895 ва таърихнигории муосири тоҷикӣ, русӣ ва минтақавӣ нишон дода мешавад, ки сарҳад на танҳо вазифаи дифоӣ, балки пеш аз ҳама вазифаи маъмурию тақсимоти роҷо мекард. Хулоса шудааст, ки модели дерини империявӣ нобаробарии ҳуқуқӣ, парокандагии институционалӣ ва дарки хаттии фазоро таҳким бахшид, ки як қисми онҳо дар амалияҳои ҳудудии минбаъда низ муҷаббатдан мавриди истифода қарор гирифтанд.

Калидвожаҳо: *Осиёи Марказӣ; империяи Русия; сиёсати мустамликавӣ; кишвари Туркистон; протекторат; делимитатсияи сарҳад*

The article explores the mechanisms by which the colonial policy of the Russian Empire in Central Asia in 1865–1917 transformed the frontier space of the Turkestan region into a hierarchically controlled system of regions, protectorates, treaty boundaries, and customs and communication circuits. The aim of this work is to identify the connections between military conquest, legal formalization, diplomatic border delimitation, and the economic integration of the region. Based on legal documents, the 1895 agreement, as well as contemporary Tajik, Russian, and regional historiography, it is shown that the border served not only a defensive but also, above all, an administrative and distribution function. It is concluded that the late imperial model consolidated legal heterogeneity, institutional fragmentation and a linear perception of space, some of which were reproduced in subsequent territorial practices in Central Asia.

Key-words: *Central Asia; Russian Empire; colonial policy; Turkestan country, protectorate; border delimitation*

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Центральная Азия стала пространством, где Российская империя соединила военное продвижение, правовое оформление власти, дипломатическое разграничение и хозяйственное переустройство в единую систему управления государственной окраиной. В классической историографии этот процесс чаще описывался как последовательность военных кампаний и дипломатических эпизодов, однако уже Н. А. Халфин показал, что речь шла о длительном политическом курсе, увязывавшем укрепление южных рубежей, доступ к рынкам и преобразование самого пограничного пространства [1, с. 61–62, 113–114]. Для северных регионов современного Таджикистана и Памира последствия этой политики были особенно значимы: включение Худжанда, Ура-Тюбе и сопредельных территорий в новую административную конфигурацию, а позднее международная делимитация высокогорных участков изменили режим подчинения, передвижения и хозяйственных связей [2, с. 20–21, 34–35].

Актуальность темы определяется тем, что границы, сформировавшиеся в 1865–1917 гг., не были нейтральными линиями на карте, а являлись механизмами распределения власти и компетенций. Англо-русское соперничество усилило стремление Петербурга придать продвижению на юг вид устойчивого правового порядка, а не только военного контроля [3, с. 17, 19]. Одновременно, как показывает Ш. Р. Абдураззоков, торгово-экономическое противоборство с Великобританией вело Россию к решениям, которые разделяли локальные сообщества между разными юрисдикциями и постепенно превращали подвижный фронт в фиксируемую государством территорию [4, с. 2–3, 6]. В более широкой региональной перспективе присоединение Средней Азии к России выступало многофакторным процессом, где были тесно переплетены стратегические и хозяйственные мотивы [5, с. 69–72].

Научная проблема состоит в том, что значительная часть литературы рассматривает колониальную политику Российской империи поэлементно: отдельно изучаются завоевание, «Большая игра», реформы в Туркестане, протектораты над Бухарой и Хивой, а также позднеимперские кризисы управления. Между тем, с методологической точки зрения, более продуктивно анализировать их как звенья единого процесса формирования пограничного режима. Такой подход соответствует современной постановке вопроса о российском колониализме в Центральной Азии, где в центр исследования ставятся не оценочные ярлыки, а конкретные практики законодательства, управления и пространственного упорядочения [6, с. 58–73]. Цель статьи заключается в выявлении механизмов, посредством которых имперская

политика преобразовывала границы в иерархически организованную систему областей, протекторатов, буферов и договорных рубежей.

Методологически работа опирается на сочетание историко-сравнительного анализа, анализа нормативных актов и институционального подхода. В качестве исходной гипотезы принимается положение, что позднеимперская граница в Центральной Азии выполняла прежде всего административно-распределительную функцию: она отделяла не только государства, но и режимы власти, виды юрисдикции, уровни хозяйственного контроля и степени включенности территорий в общеимперский порядок. Отсюда следует и основной тезис исследования: колониальная политика Российской империи выработала в регионе не одну только линию границы, а многоуровневую систему пространственного управления, последствия которой пережили саму империю.

Историография вопроса и исследовательский подход

Таджикская и региональная историография последних лет заметно приблизила исследование темы к более целостному пониманию позднеимперского пространства. К.О. Каримова, анализируя социально-экономическое положение Северного Таджикистана во второй половине XIX – начале XX в., убедительно показывает, что административное включение территории сопровождалось перестройкой торговых потоков, налоговых практик и локальной иерархии власти [2, с. 20–21, 34–35]. М.Б. Исмоилова раскрывает внешнеполитическое измерение вопроса: поиск Россией «стабильной границы» с юга и юго-востока был связан не только с престижем державы, но и с необходимостью ограничить британское влияние в зоне, где сходились интересы Афганистана, Бухары и Памира [3, с. 17, 19]. Ш.Р. Абдураззоков переводит разговор в плоскость пространственных последствий англо-русского соперничества и показывает, что договорные решения конца XIX в. имели прямой этнотерриториальный эффект [4, с. 2–3, 6]. И.А. Мамадалиев исследует механизмы адаптации российской административной модели к специфике Средней Азии и доказывает, что синтез имперских институтов управления с местными правовыми традициями определил долгосрочный вектор политического развития региона [7].

Российская историография предоставляет важный инструментарий для анализа внутренних механизмов колониальной политики. Работы И.Г. Напалковой позволяют рассматривать реформы на национальных окраинах как систему сочетания централизации и специальных режимов [8, с. 77–82]. А. П. Волков и В.В. Попов показывают, что в российской Средней Азии военно-административное начало не исчезало даже тогда, когда центр декларировал переход к более «нормальному» управлению [9, с. 76–81]. П.Ф. Рагимова подчеркивает режимный характер национальной политики империи: единый государственный центр управлял неодинаковыми территориями через различающиеся комбинации прямого вмешательства и допускаемой автономии [10, с. 134–141]. Для юридического измерения особенно важны выводы Р.Ю. Почекаева, рассматривающего Центральную Азию как пространство дифференцированного правового включения, где провинция, протекторат и буфер сосуществовали в пределах одной имперской стратегии [11, с. 7–15].

Отдельное место в литературе занимает анализ кризиса позднеимперского управления. Н.Б. Махмудова трактует сенаторскую ревизию графа К.К. Палена как крупномасштабную диагностику внутренних противоречий Туркестанского края [12, с. 134–150]. М.Е. Шушкова показывает, что в начале XX в. вопрос о реформе управления Туркестаном был поставлен как системный, но выработка согласованной модели между столичными ведомствами и ташкентской администрацией оказалась невозможной [13, с. 6–19]. В совокупности названные исследования образуют прочную базу, но оставляют пробел: по-прежнему недостаточно ясно, как военное завоевание, нормы управления, протекторатная

зависимость, международная делимитация и таможенно-коммуникационная интеграция складывались в единую пограничную систему. Настоящая статья направлена именно на заполнение этой лакуны.

Практическая значимость выбранного угла зрения состоит в том, что он позволяет увидеть истоки нескольких устойчивых особенностей политического развития региона. Во-первых, исторически сложившаяся склонность к сочетанию разных режимов управления в пределах одного пространства объясняет, почему центральноазиатские территории долгое время воспринимались как совокупность неоднородных зон, требующих различных способов администрирования. Во-вторых, анализ имперского периода помогает точнее понять, почему в региональной политике столь важную роль играют транспортные коридоры, таможенные рубежи и дипломатически согласованные участки разграничения. Наконец, для современного государственного управления странами Центральной Азии значим сам вывод, что устойчивость границы определяется не только военно-силовым обеспечением, но и качеством правовой координации, полнотой данных и способностью соотносить административные решения с реальной социальной географией.

Источники и методы

Источниковую базу исследования составляют четыре группы материалов. Во-первых, нормативные акты Российской империи, задававшие официальную логику территориального устройства: «Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 г. и «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г. [14, с. 876–881; 15, ст. 1, 17]. Во-вторых, региональные исследования, позволяющие уточнить социально-экономические и этнотерриториальные последствия имперской политики [2, с. 20–21, 34–35; 4, с. 2–3, 6]. В-третьих, работы по правовым и институциональным механизмам включения региона в империю [11, с. 7–15]. В-четвертых, историографические исследования, помогающие соотнести центральноазиатский материал с более широким вопросом о российском колониализме [6, с. 58–73].

Методически статья строится как проблемно-хронологический анализ. Сначала реконструируются основные фазы имперского продвижения и институционализации власти, затем выделяются устойчивые модели формирования границ, после чего оцениваются их долговременные последствия. Также должны быть обозначены ограничения исследования. Нормативные акты отражают прежде всего точку зрения имперской администрации и не исчерпывают реального опыта локальных сообществ. Современная историография не всегда одинаково прорабатывает таджикский, узбекский, киргизский и туркменский материал. Кроме того, позднеимперские границы нельзя механически переносить на позднейшие советские и постсоветские линии. Тем не менее, сопоставление правовых документов, историографии и региональных исследований позволяет достаточно надежно показать внутреннюю логику становления границ в поздний период имперского управления регионом.

Военно-административная стадия: 1865–1886 гг.

Первый этап формирования имперских границ в Центральной Азии связан с превращением завоеванного пространства в зону первичного военно-административного контроля. «Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 г. закрепляло концентрацию военной и гражданской власти в руках военного губернатора и тем самым задавало исходную модель пограничного управления, где безопасность, фискальный контроль и административное устройство еще не были разведены по разным ведомственным логикам [14, с. 876–881]. Именно в этот период граница выступала не

столько как внешняя линия суверенитета, сколько как предел оперативного распоряжения войсками, налогами, путями сообщения и низовым посредничеством.

Смысл ранней колониальной политики состоял не просто в захвате новых территорий, а в их упорядочении. Н.А. Халфин отмечал, что после Крымской войны российские правящие круги увязали укрепление южных рубежей с расширением рынков и поиском сырьевых ресурсов [1, с. 113–114]. Поэтому создание новых административных контуров в Туркестане не было сугубо военной импровизацией. Оно сопровождалось сбором статистики, картографированием, учреждением канцелярских и полицейских структур, а также перераспределением функций между военными властями и местными посредниками. Уже на этой стадии выработывалась важная особенность будущего режима: граница понималась как пространство постоянного наблюдения и учета, а не как разовое последствие завоевания.

Вместе с тем ранняя система сохраняла высокую степень подвижности. Она еще не предполагала полной унификации и потому опиралась на сочетание прямого принуждения с частичным использованием локальных институтов. Это подтверждает общая логика имперских реформ на окраинах, реконструированная И.Г. Напалковой: центр усиливал контроль, но не отказывался от особых режимов для территорий, которые считались недостаточно интегрированными [8, с. 77–82]. Для Центральной Азии такой подход имел принципиальное значение. Военное продвижение само по себе не создавало устойчивой границы; устойчивость возникала только тогда, когда завоеванное пространство получало иерархию управления, каналы отчетности и правила повседневного посредничества между администрацией и местным населением.

Именно поэтому военно-административная стадия не может быть сведена к предыстории «настоящих» границ. Она стала периодом выработки базовой матрицы, в которой территориальное продвижение сопровождалось созданием управленческих ячеек, а линия контроля постепенно превращалась в правовую и статистическую реальность. В дальнейшем эта матрица не будет отменена, но усложнена: к ней добавятся нормы общего управления, протекторатные формы зависимости и международная делимитация.

Для центральноазиатских обществ, включая северные территории современного Таджикистана, это означало включение в новую систему вертикальной подотчетности. Там, где раньше важную роль играли локальные центры, ориентированные на внутренние связи между ханствами и оазисами, постепенно утверждалась логика подчинения областному и уездному центру. В этом отношении важны наблюдения К.О. Каримовой, что административные преобразования второй половины XIX в. сопровождалось изменением хозяйственных маршрутов и подчинением местной жизни новым правилам учета и распределения [2, с. 20–21]. Следовательно, граница в ранний колониальный период формировалась не только на внешнем рубеже империи, но и внутри региона — через переориентацию местных центров на новые административные оси.

Правовое закрепление и режим дифференцированного управления: 1886–1894 гг.

Переход ко второму этапу был связан с «Положением об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. Документ определял Туркестанский край как совокупность Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей и вводил более расчлененную систему управления, включавшую главное управление, ведомственные учреждения, местные органы и судебные установления [15, ст. 1, 17]. Однако его смысл не ограничивался простой модернизацией управленческого режима. Новая модель закрепляла институциональную плотность колониальной власти, не устраняя при этом военного начала и правовой неоднородности. Военные губернаторы, генерал-губернаторская вертикаль,

народные суды и низовые выборные фигуры сосуществовали в единой конструкции, где юридическое равенство территорий изначально не предполагалось.

Данный режим хорошо соотносится с выводами П. Ф. Рагимовой о национальной политике имперского периода конца XIX — начала XX вв. как о политике избирательного институционального регулирования [10, с. 134–141]. На практике это означало, что внутренняя граница проходила не только между империей и внешним окружением, но и внутри самого центральноазиатского пространства — между зонами разной административной плотности, различного допуска местного права и неодинаковой глубины вмешательства в социальную жизнь. А.П. Волков и В.В. Попов показывают, что военно-административный элемент оставался системообразующим даже при усложнении гражданских структур [9, с. 76–81]. Следовательно, правовая стабилизация 1886 г. не означала отказа от колониального характера управления; напротив, она делала этот характер более институционально оформленным.

Особое место в этой системе занимали Бухарский эмират и Хивинское ханство. Их статус нельзя описывать в категориях либо полной независимости, либо обычной провинциальной подчиненности. По наблюдению В.В. Шевцова и Е.Н. Крупенкина, протекторат выступал для российской власти удобной формой удержания стратегически важных территорий без их немедленной инкорпорации в общий административный каркас [16, с. 90–96]. С юридической стороны тот же вывод подтверждает Р.Ю. Почекаев: империя добивалась реального контроля, но стремилась сохранить договорную оболочку «самостоятельности» Бухары и Хивы [17, с. 172–176]. Таким образом, к концу 1880-х гг. в Центральной Азии сложился режим дифференцированного пограничного управления, в котором провинция, зависимое ханство и буферная территория обслуживали единую стратегию имперского присутствия.

Именно в 1886–1894 гг. окончательно проявилось качество, определившее последующее развитие региона: граница стала совпадать не столько с этническим или природным рубежом, сколько с пределом действия определенного набора институтов. Там, где действовало положение о крае, возникал один тип управления; там, где сохранялся протекторатный статус, — другой; там, где требовалось особое военно-дипломатическое наблюдение, — третий. В итоге Центральная Азия превратилась в пространство наложенных друг на друга правовых карт. Такая конструкция была удобна для империи, потому что позволяла выбирать интенсивность вмешательства, не отказываясь от общего стратегического контроля.

Договорное разграничение и таможенно-коммуникационная интеграция: 1895–1917 гг.

Третий этап начался тогда, когда граница вышла на международно-правовой и инфраструктурный уровень. Соглашение между правительствами Великобритании и России от 11 марта 1895 г. о разграничении интересов в районе Памира переводило часть прежнего военно-приграничного пространства в режим договорно закреплённого разграничения сфер влияния [18, р. 3]. Для Центральной Азии это имело не только дипломатическое, но и социальное значение. Как показывает Ш.Р. Абдураззоков, англо-русские договоренности конца XIX в. повлекли разделение ряда локальных сообществ, в том числе таджиков, между различными юрисдикциями [19, с. 15]. Иными словами, международная линия стала воздействовать на реальную географию расселения, хозяйственных связей и маршрутов передвижения.

Параллельно происходило таможенное и коммуникационное связывание пространства. Исследование Р.Ю. Почекаева позволяет проследить, как в 1894–1895 гг. Бухара и Хива были включены в таможенную черту Российской империи, причем внешнее оформление

этой меры требовало договорных решений и издания собственных актов зависимыми правителями [17, с. 176–179]. Это был важный рубеж: формальная государственность протекторатов сохранялась, но их экономическая и пограничная автономия резко сокращалась. Одновременно железнодорожная инфраструктура и опорные пункты южного направления усиливали эффект от фактической интеграции. Б.А. Алимджанов справедливо показывает, что таможенный режим, Закаспийская железная дорога и развитие Термеза рассматривались позднеимперской администрацией как взаимодополняющие средства контроля над регионом [20, с. 97–98].

На этой стадии особенно отчётливо проявилась зрелая логика имперской политики территориального разграничения. Россия не стремилась повсеместно заменить существующие формы единообразной провинциальной моделью. Намного важнее для нее было связать разные зоны — провинции, протектораты, памирские рубежи, речные и таможенные участки — в общую систему регулирования потоков, юрисдикций и внешнеполитических ограничений. Тем самым граница превратилась в сложную технологию координации, где дипломатический договор, таможенный пост, железная дорога и специальный правовой статус решали общую задачу пространственного подчинения.

Однако именно здесь стали заметны и пределы модели. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена вскрыла перегруженность управления, внутренние диспропорции в крае и недостаточную согласованность между ведомствами [12, с. 134–150]. После ревизии вопрос о переработке «Положения» 1886 г. был поставлен как вопрос о системной реформе, но, как показывает М.Е. Шушкова, согласовать интересы Петербурга и Ташкента не удалось [13, с. 6–19]. Б.А. Алимджанов, анализируя позднеимперский опыт А.Н. Куропаткина, также фиксирует поиск более гибких решений на фоне очевидной управленческой перегрузки [20, с. 101]. Это означало, что юридическая и инфраструктурная сложность системы росла быстрее, чем способность империи удерживать ее в устойчивом равновесии.

Таблица 1. - Основные этапы имперского формирования границ в Центральной Азии (1865–1917 гг.)

Этап	Основные инструменты	Пограничный эффект
1865–1886	военное управление, статистический учет, областное деление	перевод фронта в режим первичного административного контроля
1886–1894	«Положение» 1886 г., ведомственная и судебная иерархия, сохранение локальных судов	рост правовой плотности при сохранении режимной неоднородности
1895–1917	межимперская делимитация, таможенная интеграция, транспортные коридоры	внешняя фиксация рубежей и усиление фактической связанности пространства

Источник: составлено автором по [14, с. 876–881; 15, ст. 1, 17; 17, с. 176–179; 18, р. 3; 19, с. 97–98].

Типология колониальных моделей формирования границ

Рассмотренный материал позволяет выделить четыре взаимосвязанные модели имперского формирования границ. Первая — военно-административная. Её задача состояла в переводе пограничной периферии в режим первичного контроля через совмещение военной и гражданской власти, создание областной и уездной иерархии, учреждение гарнизонов и каналов отчётности [14, с. 876–881; 9, с. 76–81]. Вторая — административно-нормативная. Она оформилась с «Положением» 1886 г. и была направлена на повышение институциональной плотности управления без отказа от правовой неоднородности [15, ст. 1, 17; 10, с. 134–141].

Третья модель — протекторатно-буферная. Ее сущность состояла в том, что империя добивалась стратегической управляемости и внешнеполитического контроля, не разрушая немедленно договорную оболочку «местной государственности» [16, с. 90–96; 17, с. 172–179]. Четвертая модель — договорно-таможенная. Она проявилась в памирском соглашении 1895 г., включении Бухары и Хивы в таможенную черту, а также в увязке пограничного режима с транспортной инфраструктурой [18, р. 3; 17, с. 176–179; 19, с. 97–98].

Аналитическое значение такой типологии состоит в том, что она позволяет уйти от упрощенного представления о границе как о единственной линии. В действительности позднеимперская граница в Центральной Азии была многослойной: одна линия разделяла внешние сферы влияния, другая — провинциальные и протекторатные режимы, третья — таможенные и транспортные контуры, четвертая — зоны разной правовой плотности внутри самого региона. Именно эта многослойность объясняет, почему колониальная политика Российской империи производила не только территориальный, но и институциональный эффект: она распределяла пространство по видам подчинения и по степени близости к имперскому центру.

Таблица 2. – Типология колониальных моделей формирования границ

Модель	Ядро механизма	Основное ограничение
Военно-административная	совмещение военной и гражданской власти, первичный учет территории	зависимость от силы присутствия и слабая обратная социальная связь
Административно-нормативная	закрепление областной и ведомственной иерархии при сохранении особых режимов	правовая неоднородность и сложность координации
Протекторатно-буферная	сохранение внешней оболочки самостоятельности при реальном стратегическом контроле	ограниченная прозрачность компетенций и двойственность статуса
Договорно-таможенная	международная делимитация, таможенный режим, транспортные узлы	риск разрыва между юридической линией и реальной географией связей

Источник: составлено автором по [9, с. 76–81; 10, с. 134–141; 16, с. 90–96; 17, с. 172–179; 18, р. 3].

Долговременные последствия имперской пограничной политики

Главным результатом позднеимперской политики стало закрепление институциональной фрагментации региона. Центральная Азия была включена в имперский порядок не по единой схеме, а через сочетание области, протектората, буфера и договорно разграниченного участка. Это обеспечивало гибкость управления, но одновременно затрудняло формирование общей правовой среды и воспроизводило неодинаковость административных практик [11, с. 7–15]. Такая неоднородность автоматически не исчезла вместе с империей, поскольку задала устойчивые представления о «нормальном» устройстве пространства: разные территории воспринимались как допустимо подчиненные разным режимам.

Второе долговременное последствие связано с разделением локальных сообществ. Делимитация памирских рубежей и последующее усиление контроля на амударьинском направлении переводили традиционные хозяйственные и семейные связи в режим пересечения юрисдикционных линий [18, р. 3; 4, с. 2–3, 6]. Для таджикской ситуации это особенно важно, поскольку позднеимперские решения влияли не только на

внешнеполитическую карту, но и на внутреннюю конфигурацию контактов между высокогорными и долинными районами. Здесь проявился принципиальный колониальный эффект: государственная линия начинала организовывать социальное пространство сильнее, чем локальная практика взаимосвязей.

Третье последствие — закрепление линейного восприятия границы. Имперская администрация последовательно усиливала учет, картографирование, таможенный контроль и транспортное освоение пространства, превращая территорию в объект измерения и распределения. Именно в этом смысле граница выполняла административно-распределительную функцию. Она отделяла участки разной ведомственной компетенции, разные налоговые режимы, разные уровни допуска местного права и различную степень вмешательства в повседневную жизнь. Такой подход частично подготовил позднейшие территориальные практики, хотя сводить их к прямому механическому наследованию было бы неверно [2, с. 34–35; 11, с. 7–15].

Наконец, позднеимперский опыт показывает пределы модели, в которой юридическое закрепление и инфраструктурное связывание опережают развитие устойчивой обратной связи с местным обществом. Ревизия К. Палена продемонстрировала, что даже сложная система нормативных актов, ведомств и коммуникаций может оказаться перегруженной, если она недостаточно чувствительна к социальным последствиям собственных решений [12, с. 134–150]. Исторический урок здесь состоит в том, что устойчивость пограничного режима определяется не только силой контроля, но и способностью согласовывать правовой порядок с реальной географией людей, рынков и маршрутов.

Еще одно последствие заключалось в институциональном наследии для последующих территориальных практик. Позднеимперская администрация оставила после себя не готовые современные государственные границы, а более глубокий каркас: привычку мыслить пространство через области, уезды, опорные пункты, транспортные оси, специальные режимы и линии разграничения компетенций. Именно поэтому влияние имперского периода следует понимать не как прямое копирование прежних рубежей, а как передачу самой технологии формирования и институционального закрепления границ. Эта технология была затем переработана в иных политических условиях, но не исчезла бесследно.

Системные ограничения позднеимперской модели

Позднеимперская система формирования границ имела по меньшей мере четыре устойчивых ограничения. Первое ограничение состояло в разрыве между юридически закрепленной линией и реальной социальной географией региона. Нормативные акты, договоры и таможенные решения создавали все более четкие контуры подчинения, однако хозяйственные маршруты, сезонные перемещения и семейно-общинные связи автоматически не совпадали с этими контурами. Особенно заметно это проявлялось в памирском и приамударьинском пространствах, где договорная делимитация сталкивалась с устойчивостью локальных связей [18, р. 3; 4, с. 2–3, 6].

Второе ограничение заключалось в слабой координации между военной, дипломатической, финансовой и регионально-административной логикой управления. Материалы о включении Бухары и Хивы в таможенную черту показывают, что даже относительно локальное решение требовало сложного согласования между разными ведомствами и правителями зависимых государств [17, с. 175–179]. Позднее те же трудности проявились в обсуждении реформы Туркестана после ревизии К. Палена, когда центр и краевая администрация расходились в оценке глубины и темпов необходимых преобразований [13, с. 6–19].

Третье ограничение было связано с запаздывающим характером обратной связи. Сенаторская ревизия начала XX в. сама по себе свидетельствовала о том, что имперская система недостаточно располагала регулярными механизмами ранней диагностики проблем и лучше фиксировала уже накопившийся кризис, чем его предпосылки [12, с. 134–150]. Четвертое ограничение выражалось в переоценке возможностей инфраструктурных и силовых инструментов. Железные дороги, таможенные посты и укрепленные пункты действительно усиливали управляемость, но, как показывает позднеимперский опыт генерала А.Н. Куропаткина, не снимали вопроса о правовой предсказуемости и социальной приемлемости режима [19, с. 97–98, 101].

Таблица 3. – Долговременные последствия позднеимперской пограничной политики

Последствие	Имперский источник	Аналитическое значение
Институциональная фрагментация	сочетание областей, протекторатов и буферов	пространство мыслится как совокупность зон с разной плотностью власти
Разделение локальных сообществ	межимперская делимитация Памира и усиление контроля на Амударье	социальные связи подчиняются юридическим линиям
Линейное восприятие границы	картографирование, учет, таможенный и транспортный контроль	граница понимается прежде всего как механизм распределения компетенций
Управленческая перегрузка	рост нормативной сложности и слабая межведомственная координация	устойчивость режима зависит от качества обратной связи, а не только от силы контроля

Источник: составлено автором по [4, с. 2–3, 6; 11, с. 7–15; 12, с. 134–150; 17, р. 3; 19, с. 97–98, 101].

Заключение

Колониальная политика Российской империи в Центральной Азии в 1865–1917 гг. представляла собой не сумму разрозненных военных, дипломатических и административных шагов, а последовательный процесс производства пограничного порядка. В этом порядке граница выступала не просто линией раздела, а инструментом пространственного управления: через нее распределялись полномочия, юридические режимы, хозяйственные потоки и формы зависимости. Именно поэтому позднеимперскую Центральную Азию следует рассматривать как регион формирования многоуровневого погранично-административного порядка, в рамках которого провинциальная администрация, протекторат, международное соглашение и таможенно-транспортная интеграция образовывали единую систему управления.

Научная новизна проведенного анализа состоит, во-первых, в интерпретации границы как интегрального режима имперского управления, а не как простого итога завоевания. Во-вторых, предложена типология четырех колониальных моделей формирования границ — военно-административной, административно-нормативной, протекторатно-буферной и договорно-таможенной. В-третьих, показано, что долговременный эффект имперской политики заключался не только в изменении картографического контура региона, но и в закреплении правовой неоднородности, институциональной фрагментации и линейного восприятия пространства. Практический вывод состоит в том, что долговечный порядок на границе возникает там, где государство заранее соединяет право, управление,

инфраструктуру и социальную географию в единую систему согласованного действия, а не подменяет сложную работу с пространством одной лишь линией контроля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868) / Н. А. Халфин. – Москва: Издательство восточной литературы, 1960. – 272 с. URL: https://militera.lib.ru/research/halfin_na1/index.html (дата обращения: 1.12.2025).
2. Каримова К. О. Социально-экономическое положение Северного Таджикистана во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам ревизии комиссии сенатора графа К. К. Палена): дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2022. URL: <https://tnu.tj/Dissertatsii/KarimovaKO/KarimovaKO.pdf> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Исмоилова М. Б. История англо-русского соперничества в Средней Азии (1810–1896 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Б. Исмоилова. – Душанбе, 2025.
4. Абдураззоков Ш. Р. Средняя Азия в условиях англо-русского торгово-экономического соперничества (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ш. Р. Абдураззоков. – Душанбе, 2025. URL: <https://tnu.tj/avtorefi/avtorefiAbdurazzoqovSh.pdf> (дата обращения: 3.03.2026).
5. Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков / Р. Масов, В. Дубовицкий // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10 (268). С. 69–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisoedinenie-sredney-azii-k-rossii-sobytiya-cherez-prizmu-treh-vekov> (дата обращения: 1.12.2025).
6. Васильев Д. В. Российский колониализм в Центральной Азии: определяя время и место / Д. В. Васильев // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 58–73. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.369. URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.369> (дата обращения: 7.12.2025).
7. Мамадалиев И. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начале XX века / И.А. Мамадалиев. – Худжанд: Ношир, 2013. – 400 с.
8. Напалкова И. Г. Административные реформы управления национальными окраинами Российской империи (в XIX – начале XX вв.) / И. Г. Напалкова // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 77–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-reformy-upravleniya-natsionalnymi-okrainami-rossiyskoj-imperii-v-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 7.12.2025).
9. Волков А. П., Попов В. В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. / А. П. Волков, В. В. Попов // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2019.8.12. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.8.12> (дата обращения: 7.12.2025).
10. Рагимова П. Ф. Особенности национальной политики Российской империи в конце XIX – начале XX века / П. Ф. Рагимова // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-natsionalnoy-politiki-rossiyskoj-imperii-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 8.03.2026).
11. Почакаев Р. Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации / Р. Ю. Почакаев. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 328 с. URL: https://id.hse.ru/data/2020/01/14/1514476885/Почакаев_текст_сайт.pdf (дата обращения: 1.12.2025).
12. Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К. К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия / Н. Б. Махмудова // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/senatorskaya-reviziya-grafa-k-k-palena-v-turkestane-prichiny-hod-posledstviya> (дата обращения: 8.03.2026).

13. Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом / М. Е. Шушкова // *Новый исторический вестник*. 2012. № 2 (32). С. 6–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-upravleniya-turkestanskim-kraem-v-nachale-xx-v-raznoglasiya-mezhdu-s-peterburgom-i-tashkentom> (дата обращения: 1.12.2025).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42372. Временное Положение об управлении Туркестанской областью. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1867. С. 876–881. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003821000/rsl01003821686/rsl01003821686.pdf> (дата обращения: 7.12.2025).
15. Положение об управлении Туркестанского края: [утв. 12 июня 1886 г.]. СПб., 1886. С. 649–703. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003547474/ (дата обращения: 1.12.2025).
16. Шевцов В. В., Крупенкин Е. Н. Протекторат как форма политики Российской империи в Средней Азии / В. В. Шевцов, Е. Н. Крупенкин // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 91. С. 90–96. DOI: 10.17223/19988613/91/10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protectorat-kak-forma-politiki-rossiyskoj-imperii-v-sredney-azii> (дата обращения: 7.12.2025).
17. Почакаев Р. Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) / Р. Ю. Почакаев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184. URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/20279> (дата обращения: 8.03.2026).
18. Agreement between the Governments of Great Britain and Russia with regard to the Spheres of Influence of the Two Countries in the Region of the Pamirs. London, March 11, 1895. Treaty Series. 1895. No. 8. URL: <https://treaties.fcdo.gov.uk/data/Library2/pdf/1895-TS0008.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
19. Салимов Ф.Н. Административное разделение Средней Азии в период Российской империи: последствия и современные реалии / Ф.Н. Салимов // *Вестник Таджикского национального университета*. – Душанбе, 2025. - №9. – С.11-23.
20. Алимджанов Б. А. А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии / Б. А. Алимджанов // *Юридическая наука: история и современность*. 2019. № 8. С. 93–103. URL: <https://www.academia.edu/42808779> (дата обращения: 7.12.2025).

REFERENCES:

1. Khalfin N. A. *Russia's Policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1960. 272 pp. URL: https://militera.lib.ru/research/halfin_na1/index.html (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
2. Karimova K. O. *The Socio-Economic Situation of Northern Tajikistan in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Based on the Materials of the Audit Commission of Senator Count K. K. Pahlen: PhD Thesis in History*. Dushanbe, 2022. URL: <https://tnu.tj/Dissertatsii/KarimovaKO/KarimovaKO.pdf> (date of appeal: 11.12.2025). [In Russian]
3. Ismoilova M. B. *The History of Anglo-Russian Rivalry in Central Asia (1810–1896): Abstract of a PhD Thesis in History*. Dushanbe, 2025. [In Russian]
4. Abdurazzokov Sh. R. *Central Asia in the Context of Anglo-Russian Trade and Economic Rivalry: The Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Abstract of a PhD Thesis in History*. Dushanbe, 2025. URL: <https://tnu.tj/avtorefi/avtorefiAbdurazzoqovSh.pdf> (date of appeal: 03.03.2026). [In Russian]

5. Masov R., Dubovitskii V. *The Incorporation of Central Asia into Russia: Events through the Prism of Three Centuries // Russia and the Muslim World*. 2014. No. 10 (268). PP. 69–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisoedinenie-sredney-azii-k-rossii-sobytiya-cherez-prizmu-treh-vekov> (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
6. Vasiliev D. V. *Russian Colonialism in Central Asia: Defining Time and Place // Journal of Frontier Studies*. 2022. Vol. 7, No. 1 (25). PP. 58–73. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.369. URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.369> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
7. Mamadaliyev I. *Russia and Central Asia: Features of the Colonial Administrative System of Governance in the Second Half of the 19th – Early 20th Century*. Khujand: Noshir, 2013. 400 pp.
8. Napalkova I. G. *Administrative Reforms in the Governance of the National Borderlands of the Russian Empire: In the 19th and Early 20th Centuries // Bulletin of Chuvash University*. 2011. No. 4. PP. 77–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-reformy-upravleniya-natsionalnymi-okrainami-rossiyskoy-imperii-v-xix-nachale-xx-vv> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
9. Volkov A. P., Popov V. V. *The Development of Military-Administrative Governance in Russian Central Asia in the Second Half of the 19th Century // Society: Philosophy, History, Culture*. 2019. No. 8 (64). PP. 76–81. DOI: 10.24158/fik.2019.8.12. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.8.12> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
10. Ragimova P. F. *Features of the National Policy of the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries // Central Russian Journal of Social Sciences*. 2014. No. 5 (35). PP. 134–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-natsionalnoy-politiki-rossiyskoy-imperii-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
11. Pochekaev R. Yu. *The Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization*. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 328 pp. URL: https://id.hse.ru/data/2020/01/14/1514476885/Почекаев_текст_сaium.pdf (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
12. Makhmudova N. B. *Senator Count K. K. Pahlen's Audit in Turkestan: Causes, Course, and Consequences // Metamorphoses of History*. 2016. No. 7. PP. 134–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/senatorskaya-reviziya-grafa-k-k-palena-v-turkeстане-prichiny-hod-posledstviya> (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
13. Shushkova M. E. *The Reform of Governance in Turkestan Country in the Early 20th Century: Disagreements between St. Petersburg and Tashkent // New Historical Bulletin*. 2012. No. 2 (32). PP. 6–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-upravleniya-turkeстанskim-kraem-v-nachale-xx-v-raznoglasiya-mezhdu-s-peterburgom-i-tashkentom> (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
14. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. Vol. 40. 1865. Division 1. No. 42372. Temporary Regulation on the Administration of Turkestan Oblast*. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1867. PP. 876–881. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003821000/rsl01003821686/rsl01003821686.pdf> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]
15. *Regulation on the Administration of Turkestan Krai: Approved on June 12, 1886*. St. Petersburg, 1886. PP. 649–703. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003547474/ (date of appeal: 01.12.2025). [In Russian]
16. Shevtsov V. V., Krupenkin E. N. *Protectorate as a Form of Policy of the Russian Empire in Central Asia // Bulletin of Tomsk State University. History*. 2024. No. 91. PP. 90–96. DOI: 10.17223/19988613/91/10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protectorat-kak-forma-politiki-rossiyskoy-imperii-v-sredney-azii> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]

17. Pochekaev R. Yu. *The Inclusion of the Bukhara Emirate and the Khiva Khanate into the Customs Line of the Russian Empire: 1895* // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. No. 3. PP. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184. URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/20279> (date of appeal: 08.03.2026). [In Russian]
18. *Agreement between the Governments of Great Britain and Russia with regard to the Spheres of Influence of the Two Countries in the Region of the Pamirs*. London, March 11, 1895. *Treaty Series*. 1895. No. 8. URL: <https://treaties.fcdo.gov.uk/data/Library2/pdf/1895-TS0008.pdf> (date of appeal: 11.02.2026).
19. Salimov F. N. *Administrative Division of Central Asia during the Period of the Russian Empire: Consequences and Modern Realities* // *Bulletin of the Tajik National University*. 2025. No. 9. PP. 11–23. [In Russian]
20. Alimdzhанov B. A. A. N. *Kuropatkin and the Economic Policy of the Russian Empire in Central Asia* // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 8. PP. 93–103. URL: <https://www.academia.edu/42808779> (date of appeal: 07.12.2025). [In Russian]